

**Мирон Я. Амусья,
профессор физики**

**Если враг не сдаётся, его уничтожают или подкупают
(О реорганизации Академии наук России)**

*Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем - доходней молчание,
Потому что молчание - золото!
Так легко попасть в первачи –
Промолчи, промолчи, промолчи.
А. Галич, «Старательский вальсок»*

Едва включив в тот вечер радио, я услышал о планах российского правительства, сообщённых его председателем Д. А. Медведевым, срочно, в ближайшую пятницу, реорганизовать Российскую академию наук (РАН), забрав у неё собственность – строения, институты, санатории, и т.п. Членов и членов-корреспондентов РАН, а также академий медицинских и сельскохозяйственных наук уравниют в правах, «одарив» пожизненными стипендиями в сто тысяч рублей¹ (примерно \$3000), забрав при этом право распоряжаться немалым имуществом академий и их финансами. Имуществом и деньгами будет заниматься отныне специальный аппарат, состоящий из чиновников - профессиональных «имуществоведов». Ясно, что оторванное от сегодняшней собственности институтов, академическое сообщество перестанет быть тем, чем было почти триста лет. За этот немалый срок оно имело яркие достижения и печальные провалы. Неясно, однако, почему торопливые нововведения людей, по отношению к науке посторонних, улучшат работу целой системы учреждений, которые и до сих пор выпускают основную, по качеству и количеству, научную продукцию России.

Казалось бы, какое мне до всего этого дело? Я не член РАН, ни один из моих друзей и приятелей от реформы прямо не пострадает, поскольку, опять же прямо, никаким имуществом академии не владеет. Признаюсь, что проработав более полувека в системе РАН, я подкопил претензии к ней и личного порядка, а потому мог бы тихо сидеть и радоваться – дескать, тебя не избрали и не наградили, так пусть теперь хоть кто-то из них, хотя бы и за другое дело, но будет наказан. Ведь я «мог бы быть в краю отцов не из последних удальцов». Говоря прямо, отнюдь не всех избранных в РАН считал и считаю в научном отношении выше себя. Однако в целом, РАН, несомненно, во всяком случае, в части физики, химии, математики, биологии есть собрание лучших специалистов России.

Однако то, как по форме и сути проходила и проходит захватная операция под кодовым названием «реформа академии наук» заставляет любого порядочного научного работника, члена любого творческого сообщества, и просто культурного человека, заставляет её безоговорочно отвергать. На ум невольно приходит сравнение, которое в нормальных условиях должно бы показаться просто неприличным, но, увы, в данной ситуации не кажется. Пусть ты видишь, как с соседом, отнюдь не всегда вежливым с тобой, разбирается в тёмном переулке группа уличной шпаны. Едва ли ты сможешь, продолжая считать себя порядочным, пройти мимо, ухмыляясь соседской неприятности. Нет, совесть и честь властно диктует тебе: «Звони в полицию, зови на помощь!». И дело не только в отношениях с твоим соседом, но и в

создании опаснейшего прецедента, когда втихую, без публичного обсуждения с работниками творческих организаций, их будут «перестраивать» по прихоти и разумению тех, кто в основном к данным организациям не причастен.

Давно считаю, что элитарный клуб во многом, говоря абстрактно, отрываясь от страны и времени, т.е. для каких-то там США, Англий, Германий, лучше полной бюрократов конторы. Помню, как из окна поезда, на вокзале во Флоренции, увидел В. И. Гольданского, неторопливо прогуливавшегося. Пригласил его в наше с женой купе, и всю дальнейшую дорогу мы провели в обсуждении будущего страны, нашего, да и Академии наук. За окнами проносился 1991. Гольданский был озабочен судьбой российской Академии, поскольку от итогов её первых свободных выборов исходил сильный расистский вообще и антисемитский в особенности душок. И я спросил у Гольданского, автора тогда недавней статьи на эту тему в *Physics Today*, почему бы ему, вместе с другими выдающимися учёными, не организовать престижнейший закрытый клуб и нанять строгого швейцара, чтобы не пускал посторонних.

Я сказал ему, что на гонорар от международных консультаций и экспертных оценок такой клуб будет существовать спокойно и безбедно. У Виталия Иосифовича были веские доводы за сохранение статус-кво, диктуемые интересами страны, её науки, а так же, как мне показалось, ещё и привычкой участвовать во властных тусовках.

Но речь шла всё-таки о реорганизации по собственной воле, а не о «конфискации имущества», сопровождающейся подачкой с властного стола, хоть и бóльшей зарплаты постового полицейского, но меньшей, чем у офицера среднего ранга. Замечу, кстати, устанавливая зарплаты², руководство выбрало свои приоритеты, а потому не должно удивляться, что по приоритетам им и воздаётся.

К Академии наук можно выдвинуть много претензий. Однако основная их часть имеет причиной попытку властей подчинить работу научных коллективов своим нуждам, что на научном фронте неизбежно отзывалось неудачами или провалами. В то же время, без относительно независимой академии наук СССР не имел бы точных наук вообще. Именно АН вела до победы войну с Лысенко. Именно положение академика позволило Сахарову стать совестью страны и мира. Ведь медали Героя социалистического труда забрать власть смогла, а звание академика – нет. Вот и приходилось власти в обращении с Сахаровым проявлять диктуемую званием некоторую осторожность, допускать даже некоторую публичность, опасаясь огромного скандала.

Печально памятный разгром генетики, хотя и проводился руками и языками научных блюдолизгов, направлялся политическим руководством страны. Ни в одной стране, кроме диктатур, руководители не позволяют себе с таким упорством насаждать личное, подчас невежественное видение того, что есть научная истина. Одобрил Сталин Лысенко, и тот тотчас ринулся вверх, подминая всех и вся на своём пути. Рассердил Сахаров Хрущёва, и тот чуть не закрыл Академию наук. Слава Богу, вовремя успокоился.

Примечательна ситуация, когда очевидный манипулятор, к науке никакого отношения не имевший, некий Петрик, был поддержан третьим по начальственной роли в России человеком – спикером Госдумы Грызловым. Этот Петрик, конечно, не поднялся до «высот» Лысенко. Но тоже посильно «прославил» страну. Вредная же помощь Грызлова не получила государственного осуждения, а вся история тихо свернулась.

История продолжается. Не избрали члена-корреспондента М. Ковальчука в академики (с первого захода), и вот уже переводят Петербургский Институт ядерной физики (ПИЯФ) из РАН под его «крыло», видно, чтоб успокоить. А чего успокаивать? Ведь индекс цитирования этого научного работника по Google scholar маловат и для рядового профессора-физика – всего 557, а на момент выборов был ещё меньше. Минимально было бы для таких амбиций ну хоть на две тысячи больше! Несмотря на такую умеренную известность, М. Ковальчук

сочетает руководство гигантским научным центром – институтом имени Курчатова в Москве с должностью декана физического факультета Санкт - Петербургского университета. Он что, теперь прописан и в поезде Москва-Петербург и обратно?!

При ведомственной передаче ПИЯФ, мнения сотрудников института не спросили. Но ведь, обращаясь с ними как с крепостными, нельзя ждать и нобелевского уровня работ – открытия требуют свободы мысли, а её не может быть у несвободных.

Нет нужды говорить о том, что прямой, открытой поддержки псевдоучёных, равно как и открытого вмешательства в специфические, внутренние дела научного сообщества государственные деятели развитых стран себе не позволяют. Подобное задуманному в России «реформирование» было бы губительно для репутации политиков – их бы «заклевала» оппозиция.

Проблема оценки работы Академии наук России, её сравнение с западными схожими учреждениями издавна для меня весьма важна. АН СССР была уникальным учреждением, притом, не только привилегированным клубом, каналом финансирования, и местом проведения важнейших военных исследований. Наиболее близки некоторым институтам АН национальные лаборатории США, однако отдалённо в целом не столь широкопрофильные, и даже в целом не образующие аналога Академии наук.

Как известно, Академии наук развитых стран ближе к клубу избранных, чем к исследовательской организации на государственном содержании. Успехи науки развитых стран велики, и к их опыту логично присматриваться, по возможности его используя. Здесь требуется осторожность, та, что сродни пониманию перевёртыша «что немцу здорово, то русскому смерть». Хорошо помню давнишнюю, начала 1990, длинную дискуссию с Андреем Фурсенко, и несколько разговоров с Юрием Ковальчуком, вновь испечёнными заместителями директора ФТИ им. А. Ф. Иоффе Ж.И. Алфёрова³.

Оба они, и Фурсенко и Ковальчук, уже тогда считали, что Физико-технический институт засорён бездельниками, которых надо изгнать, а науку выпустить на рынок и сделать самокупаемой, на манер сарделечного производства. «Сколько человек в физтехе приносят славу институту?»,- спрашивал Фурсенко и сам отвечал: «Человек сто, не более. Их надо оставить, к ним добавить четыреста почитателей и услуги. Вот они то и займутся фундаментальными исследованиями. А сейчас в институте почти три тысячи. Две с половиной тысячи надо сократить, а оставшимся повысить зарплату в четыре раза. Это чтоб и государству была выгода. Освободившиеся помещения сдать в аренду, а 2500 вчерашних бездельников выйдут на рынок труда». Я отвечал, что отбор «ста чистых» и «четырёхсот получистых» - сложная, неоднозначная и крайне трудоёмкая процедура. Она обеспечит превращение и тех, кто приносит славу институту, с этой точки зрения в бездельников. Наука никогда не станет безотходным производством. Одна удача, иногда через десятилетия, тысяче или миллионкратно окупает расходы. Так было с транзистором, лазерами, радиоволнами, сверхпроводимостью, ядерной энергией. Но ведь и для того, чтобы найти алмаз приходится перелопатить гору пустой породы. «Так было, так есть и так будет», - говорил я. Мы не убедили друг друга.

Получив большую власть (А. Фурсенко) и добившись огромных денег (Ю. Ковальчук), оба явно не реализовали те цели общественного блага, о которых будто бы пеклись в далёком 1990 году. С моей точки зрения, не нажив крупных денег и не оказавшись у власти, но сохранив приверженность своему делу, я по сути спора оказался прав, а они этот спор (не знаю, помнят ли о нём), проиграли⁴.

Дефекты академии следовали и следуют из копирования ею политической системы страны. Однако для успешного функционирования Академия, при имманентной недемократичности науки (большинство отнюдь не всегда право!), должна быть образцовым

демократическим учреждением, где неукоснительно соблюдаются возрастные и временные ограничения пребывания на всех выборных постах.

Необходимое, возможно, из внутри-академических соображений, увеличение числа действительных членов академии с 200 в СССР до 400 в России, многократно принизило это звание. Очевидно, что намеченное властями слияние трёх академий в одну и ликвидация звания член-корреспондента, сделает звание академика слишком распространённым, чтобы быть уникально авторитетным. Вероятно, это один из замыслов «реформаторов».

Печально, что была снижена требовательность при отборе кандидатов в члены академии. В качестве примера приведу появление среди иностранных членов РАН некоего Квинта⁵, а среди членов-корреспондентов по тому же отделению экономики просто необразованного уголовника, пролезшего в председатели ВАКа. Печально, что членом академии оказался и «друг» Г. Шрёдер, чьи труды к науке отношения не имеют. Трудно отнести к научным работникам и ещё нескольких, избранных в РАН, политиков.

У академии есть история успешного противостояния внешнему давлению, и не стоит становиться более «гибкими». Унижения и скользкие манёвры делу и научному сообществу, как показывает опыт, не помогают, а вредят.

Мне представляется целесообразным, для снижения вероятности конфузов при выборах, учитывать сравнительно объективные наукометрические данные. Конечно и их, при известной сноровке и желании, можно подогнать под терпимое или желаемое. Конечно, любая цифирь, а не только людское мнение, в большой мере и при наличии желания управляема и подтасовываема. Но с цифирью это заметно труднее, поскольку она затрагивает гораздо более широкий круг людей, чем кулуарная интрига.

Однако те минусы академии, о которых здесь пишу, даже не обсуждаются в применении к почти принятой 5 июля 2013 «реформе», которая сконцентрирована на нивелировке, и, тем самым, принижении всего научного сообщества через лишение научной власти наиболее известных учёных. Официально провозглашённая цель «реформы» состоит не столько в развитии науки, сколько в передаче собственности академий в руки управленцев – «профессионалов».

Один из таких, А. Чубайс, стал печально знаменит организованной им приватизацией, которая создала новый класс собственников. Для абсолютного большинства жителей России приватизация обернулась потерями. Не подвернись случайно рост цен на нефть, ситуация была бы просто жалкой. Затем «профессионал» орудовал в РАО ЭС, а потом «партия бросила» его возглавить неведомое нано, сделав сразу главным начальником РосНано. О степени незнания им предмета руководства сужу со слов покойного В. Л. Гинзбурга, отметившего, после визита «профессионала», что «Чубайс толковый малый, быстро схватывает, но знает очень мало»⁶. Вот он и «быстро схватил», но пока без ощутимого позитивного для страны эффекта.

Замечу, что не нищенствуют, слава Богу, и сторонники привлечения «профессионалов» к управлению имущества академии. Так, заместитель председателя правительства О. Ю. Голодец «заработала» в 2012г. 8 млн. рублей (против 50 миллионов в 2010г.) и владеет 5 квартирами общей площадью около 500 м², а министр Ливанов вместе с женой «заработали» 38 млн. рублей, и владеют почти 900 м² квартир и дач. Трудно понять, чего в этих «успехах» больше – бухаринско-буржуазного «Обогащайтесь!» или большевистского «Грabbь награвленное!». Тоже господа схватывают не медленно, не в пример всяким недоумкам – профессорам и докторам, тем, что документы не купили.

Результаты процесса быстрого хватания «профессионалами» видны. Нет или почти нет пассажирских самолётов российского производства, автомобилей, скоростных поездов, персональных компьютеров, всей той электроники, которая определяет лицо современной

цивилизации и обильно представлена на полках многочисленных магазинов, но сделана целиком в других странах. Не отстаёт от промышленности и сельское хозяйство, резко сократившее зерновое производство. Теперь Россия полностью зависит не только от ввоза персональных компьютеров, смартфонов, но и мяса.

Реформы тянутся уже тридцать лет. За такой срок из руин войн до высот мирового лидерства поднялись Германия и Япония, резко шагнули вперёд, выйдя на мировой уровень Израиль, Тайвань, Южная Корея, не говоря уж о завалившем весь земной шар своей продукцией Китае. А по России без усталости носятся «быстро схватывающие», лишь ускоренными темпами удлиняя список миллиардеров по журналу «Форбс». Носятся, и никак, к сожалению, не устанут. А общественные успехи их метаниям не сопутствуют.

Вчера, в пятницу, 5 июля, слышал выступление по «Эху Москвы» заместителя председателя думского комитета по науке. Он утверждал, что цель реформы – улучшение управления собственностью и обеспечение доступа молодёжи в ряды академии с тем, чтоб она не чувствовала себя обделённой и видела перспективу будущего.

В интервью не было, ни убедительных слов, ни оригинальных мыслей – так, информационный шум. Я сомневаюсь, чтобы проблема собственности, большой, но в масштабах огромной России не поражающей воображение, могла бы сама по себе привести к попытке проведения операции, наносящей огромный вред стране в глазах множества научных и творческих работников России и за её пределами. Трудно понять, как вполне допускающий неторопливое, аккуратное рассмотрение вопрос о собственности заставил власть увеличить ряды своих противников буквально на полное число научных работников академий и членов их семей, т.е. этак на полмиллиона человек. Ведь с неформальной оппозицией ведётся решительная борьба, а тут в её ряды добавляют столько думающих людей.

Разумеется, даже каждый, выигрывающий за счёт увеличения своей академической стипендии не поверит в неизбежность дохода – реформа может ведь продолжать орудовать и дальше, ликвидируя стипендии.

Мне кажется, что есть какая-то нематериальная цель атаки, важным элементом которой является мотив, сформулированный поэтом: «Дайте собакам мяса, может они подерутся». Вот такое личностное принижение членов академии, демонстрация того, что свои права и свободы, свою довольно широкую независимость и ответственность они отдадут за прибавку наличными, и определяет быстроту проведения «реформы», являясь её важнейшей целью. Разумеется, это проверка на прочность и вызов. Небольшая часть членов академии заявила, что в новую академию не войдёт. Именно число тех, у кого «кишка не тонка», определит в конечном итоге судьбу всей атаки.

Разумеется, не сам министр Д. Ливанов решился на столь резвую атаку академии. Должна быть у него для этого «крыша», которая поддерживала, по меньшей мере, всю идеологию реформы. Однако, я полагаю, что не последнюю роль сыграли здесь и личные чувства министра науки Д. Ливанова. Ещё в 2003 он на выборах в члены-корреспонденты РАН получил всего два голоса. «Если меня не принимают, значит, не должна существовать, и подлежит закрытию», - полагаю, решил он. Отражением глубокого внутреннего раздражения считаю и публичное обвинение президента РАН Фортובה в двуличии. Подобное должно быть просто недопустимо в отношении к человеку, который старше министра на двадцать лет, имеющему к тому же несопоставимо большие научные заслуги и международное признание. Обращу в этой связи внимание на разницу в индексе цитирования Фортובה – 10100 и Ливанова – 400.

Однако, РАН слишком дорогое и важное для России учреждение, чтобы в его оценках и изменениях руководствоваться чем либо, кроме долговременных интересов страны, что уже само по себе отрицает спешку.

PS 04.07.13 Мой комментарий к одному из общественных обращений в защиту Академии наук

Мы не рабы, рабы не мы.

Я не крепостной, чтобы молча смотреть, как меня и мне подобных "перебрасывают" и "реорганизуют". Есть пока неоплатный долг государства перед научными работниками высокого, среднего и начального ранга - низкая оплата труда и скверное финансирование научных исследований. Не должно так быть, чтобы доктор наук, профессор имел зарплату меньшую армейского офицера. Это не только затрудняет жизнь - это унижает. Не может такого быть, чтобы люди, вроде М. Ковальчука подминали науку под себя - она великовата для их скромнёхонького размера.

Научный работник мирового статуса должен иметь свободу исследований, деньги на несколько командировок в год для поездок по своему усмотрению, постоянную, гарантированную позицию после трёх - четырёх раундов успешного переизбрания на должность, основанного в большей мере на объективных, международно-признанных показателях научной работы, право получения пенсии не меньшей 70% последней зарплаты.

Наука - не производство сарделек, и потому плохо укладывается в специфику рынка. Она требует полной отдачи сил работника - служителя. Она нуждается больше всего, помимо достойного материального обеспечения, в глубоком уважении властей и свободе. Без этого науке не быть. А без науки не быть и современному, развитому государству.

PPS 09.07.13. В пятницу, 05 июля, прошло второе чтение закона о реформе академий. Он претерпел заметные изменения, из него удалили некоторые особенно одиозные положения. Думаю, что это произошло в результате энергичных протестов научного сообщества, в большой мере за счёт появления списка пусть и небольшой части, но весьма известных членов академии, которые заявили, что от участия в новой её версии отказываются.

Происходящее напомнило пресловутую «монетизацию льгот» 2004 г., когда правительственный проект резко уменьшил привилегии тех, чьи интересы казались неприкасаемыми – пенсионеров, ветеранов, блокадников. Только массовые протесты, включая перекрытие пенсионерами, например в Петербурге в январе 2005, Невского и Московского проспектов, заставили власти уступить и позволили прийти к в среднем приемлемому компромиссу. Полагаю, что реформа привела к дополнительным расходам казны, вместо их экономии, и отрицательно сказалась на престиже власти.

В дебатах об академии, сошлись, как будто, на том, что академию надо кардинально реформировать. Если под этими словами понимать необходимость подъёма зарплат до приличного уровня, и обеспечение финансирования исследовательских работ, то такое изменение действительно необходимо. Но если имеется в виду устранение нарушения законодательства при использовании имущества академии – здесь не нужна реформа. Вор всегда есть вор, какой бы титул или звание он при этом не имел. И его место в тюрьме, что не является реформой!

Санкт-Петербург

¹ По сообщениям прессы. Согласно же тексту официального документа – в два раза меньше, т.е. [50000 рублей](#) в месяц. Это уже заметно не дотягивает до оклада рядового полицейского.

² Главный научный сотрудник академического института, профессор и доктор наук теперь дешевле эдак вдвое рядового полицейского.

³ Руководителям стоит помнить, что вещи слова «Я тебя породил, я тебя и убью» не всегда реализуются в паре «начальник-подчинённый».

⁴ Однако даже сравнительно малую власть оба быстро научились применять себе на пользу. Так, ездя в Москву в купе люкс, Фурсенко запрещал это другим докторам наук. Я спросил его: «Как вы можете ездить в СВ, а мне это запрещать?!» Подействовало, но ненадолго.

⁵ Его индекс цитирования (ИЦ) в Google Scholar составляет 48, при том, что два других иностранных члена по тому же отделению экономики, Дж. Штиглиц и Л. Кляйн, имеют ИЦ 20000 и 120000, соответственно.

⁶ Из телефонного разговора В. Л. Гинзбурга с автором данной заметки.